

Глава 2.4.

Шуршащий звук рубашки школьной формы Пёнхва и его феромоны тонко царапали нервы и уши Сэбёка.

— Эй. Ты же бета, да?

—...Да!

— Я завидую тебе...

В кои-то веки Сэбёк возненавидел Пёнхва — беспечно выделяет феромоны, будучи не омегой, а альфой.

— Хотел бы я тоже быть бетой.

— Почему? Быть альфой — это хорошо.

Сэбёк невольно заговорил резким тоном. На мгновение у него упало сердце от мысли, что он среагировал слишком остро, но Пёнхва ответил как ни в чём не бывало.

— Быть альфой своего рода тоже тяжело. Группы делятся на альф, бет и омег, и альфы пытаются изолировать омег, собирая их вокруг себя. Родители тоже пытаются с кем-нибудь меня сосватать, как только какая-нибудь омега проходит пробуждение.

Он недолюбливает омег? Подумав, Сэбёк спросил:

—...Ты недолюбливаешь омег?

— А? Нет? Разве не смешно классифицировать людей по признакам? Я просто предпочитаю чаманчху...Эй, ты знаешь, что такое чаманчху?

Что такое чаманчху? Интернет-зависимый Пёнхва время от времени вворачивал термины, которых Сэбёк никогда не слышал, и всегда спрашивал, понимает ли он их.

Как же страдала его гордость каждый раз, когда приходилось говорить, что он не знает.

—..Конечно, знаю. Чаманчху.

Это определённо была какая-то аббревиатура.

— Что это тогда?

— Рекомендуемые онлайн-лекции для получения идеальных баллов по естественным наукам?

— Ну да. Мечтай дальше.

Чёрт...Сэбёк внутренне успокаивал свой гнев на снисходительное выражение лица Пёнхва.

— Это просто, ну, знаешь. Чем это отличается от подбора партнёров по совместимости групп крови, мол, АВ и О-тип совместимы? Разве это не сверхстранно? Просто чувствуется, что моё существование поглощается моим альфа-признаком.

Сэбёк мог понять, о чём говорит Пёнхва.

Сэбёк, который 16 лет был гордым сыном, стал жалким в одночасье, и всё из-за пробуждения как омеги.

— Признак — это просто признак, а я — это я.

— Ага.

— Но после пробуждения такое чувство, ну, не знаю? Я чувствую себя изгоем.

Меньшинство альф и омег, существующее среди подавляющего большинства бет.

Почему альфы и омеги могут чувствовать и выделять феромоны, которые не могут чувствовать беты, и устанавливать связь друг с другом?

Возможно, причина в том, чтобы альфы и омеги выживали, будучи маргинализированными в мире бет.

Может быть, только изгой могут понять одиночество друг друга.

— Наверное.

Альфы и омеги могут быть единственными настоящими понимающими товарищами друг для друга.

Сэбёк начал видеть свой признак — который казался ему только проклятием — по-другому.

Он подумал, что, возможно, альфы и омеги существуют друг для друга.

— В этом был бы смысл.

— Верно? Это может звучать как привилегированная жалоба, но такое чувство, будто я стал мутантом. Просто, ну, знаешь...

Это действительно звучало привилегированно.

— Всё равно быть альфой лучше, чем быть омегой.

— Ну, это правда.

У Сэбёка заняло в груди.

— Омеги-мужчины — они же, ну? О-отвратительные, и-и странные, да? Мужчина, который беременеет, — это отвратительно. Это странно.

С каждым словом казалось, что его плоть пронзают ножом. И всё же он не мог остановить это самоуничтожение.

— Ну...если уж об этом говорить, то мужик средних лет с большим пузом — ещё страннее. У него пузо большое даже без беременности.

— Просто быть толстым и быть беременным — это разные вещи.

— Эй. А ты бы смог сказать то же самое, если твоя мать была бы омегой-мужчиной?

Сэбёк не мог ответить.

Его мать была бетой и женщиной. Мать Сэбёка никогда не могла бы стать омегой-мужчиной, как он сам.

— Тьфу, ты более узколобый, чем кажешься.

Узколобый омега Сэбёк на мгновение потерял дар речи. Прежде чем он успел возразить, заговорил Пёнхва.

— Морские коньки-самцы тоже беременеют.

— Это особый случай...

— Разве это не супер по-мужски? Чёрт, это так круто. Забеременеть ради женщины, которую любишь. Поистине неземной крутой парень. Романтик. Эталон романтики и мужественности.

Романтичный Пёнхва, очарованный крутостью морских коньков, продолжал восхищённо восклицать «Огооо».

— Рожать, наверное...невероятно больно.

Пёнхва, прошедший обязательное половое просвещение об альфах и омегах, выглядел слегка бледным.

— Если я в будущем женюсь на той, кого люблю, хотел бы я сам забеременеть и родить ребёнка вместо неё. Это выглядит так больно. А вдруг она умрёт при родах? Это же безумие.

—

— Может из-за этих слов, но...— Пёнхва нежно погладил пухлые щёчки Исыл, драгоценного плода своей любви, и заговорил с отстранённым видом. — Весь токсикоз был у меня. Я думал, что умру. И потерял аж 12 кг.

И всё равно он ни о чём не жалел. Пёнхва был неземным романтиком, который не мог вынести мысли, что Шин Сэбёк потеряет хотя бы 1 грамм.

— Я не с—

Чон Сону задавался вопросом, не вызовет ли что-то фраза «Я не спрашивал».

Размышляя, что сказать, ребёнок, мирно спящий на руках у Пёнхва, зевнул, открыв свой крошечный ротик.

— О! Исыл! Просыпаешься? Ты просыпаешься?

Исыл улыбнулась, как ангел.

Когда она улыбалась, её пухлые щёчки поднимались вверх. Для Чон Сону этот момент улыбки новорождённой, казалось, двигался в замедленной съёмке.

В этот короткий миг длиной в 0,75 секунды Чон Сону влюбился.

«Я обязательно приду на первый день рождения...»

Тем, кто разрушил этот эмоциональный момент, была не кто иная, как малышка-ангел Исыл.

Исылъ, крошечный ангел, которого, казалось, тщательно создавали на небесах, издала звук, похожий на звериный рык, совершенно не соответствовавший её личику.

Ангел, который начал громко плакать, как только открыл глаза, принялся размахивать своими крошечными ручками, такими маленькими, что, казалось, их можно было целиком засунуть в рот. Её характер был ужасным, прямо как у одного из её родителей.

— Пойдём проведаем папу нашей Исылъ. Па-па.

— Па-а.

У неё дикция лучше, чем я думал.

— Думаю, наш ребёнок гений, вероятно, в Сэбёка.

Должно быть, счастливое совпадение. Слова без конечных согласных произносить легче. В любом случае, стать родителем действительно заставляет обожать своего ребёнка.

Обожающий родитель Кон Пёнхва похлопал Исылъ по попке, успокаивая плачущего ребёнка.

— Всё хорошо, всё хорошо.

Чон Сону вытянул шею, чтобы посмотреть на Исылъ, но она надуту закрыла рот.

— Пойдём есть еду. Еду.

— Ням-ням.

Как и сказал Пёнхва, её навыки слушания, казалось, были хороши, так как Исылъ при упоминании еды снова ярко улыбнулась и показала пальцем на Чон Сону.

Чон Сону последовал за Исылъ, словно загипнотизированный.

И так, Чон Сону упустил золотую возможность пойти домой и добровольно вступил в разговорный ад.

— Дя-дя.

— А? Эта кроха только что назвала меня дядей?

Сокрушённый бедствием, которое сам навлёк, Чон Сону истолковал детский лепет как ему заблагорассудится и был тронут.

Пока Исылъ и дядя Сону переживали свою трогательную первую встречу, Шин Сэбёк, другой отец Исылъ, был занят получением напитков в окружении бывших одноклассников.

Ты правда омега? Омега-мужчина? У тебя ещё родился ребёнок. Какие у тебя отношения с Пёнхой? Как вы поженились? А когда вы вдвоём в постели, кто... Даже когда со всех сторон сыпались неуместные вопросы, Сэбёк парировал с дружелюбным лицом.

— Чинён действительно переходит границы. Не думаю, что мы были достаточно близки, чтобы задавать такие вещи.

На мгновение после его замечания, которое провело черту, несмотря на мягкий взгляд,

повисла тишина, но поскольку недавнее замечание и правда было грубым, и все были немного пьяны, они просто отшутились.

— Он, наверное, не хотел ничего плохого. Просто это, ну, слишком удивительно и трудно поверить. Пёнхва, который, как мы думали, исчез, объявился на встрече выпускников спустя почти десять лет с ребёнком.

— И ещё держа за руку мужчину.

— И этим мужчиной оказался Шин Сэбёк — это удивительно и любопытно настолько, что можно перейти границы.

Разве любопытство оправдывает пересечение границ? Сэбёк хотел спросить, но решил отпустить.

Они с мужем планировали пригласить их всех на первый день рождения. Правильный это подход или нет, они не знали, но раз уж муж и жена — одна сатана, они решили попробовать сделать это вместе.

— Ваши отношения были...ну, знаешь. Честно говоря, я однажды ходил к учителю, потому что Пёнхва был особенно колюч с тобой...

Странно, но Пёнхва иногда ворчал, что его вызывают в учительскую. В такие моменты у Пёнхвы был вид искренне обиженного, и Сэбёку приходилось сдерживать смех при виде его милого личика.

— Пёнхва тогда очень старался.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк решили быть друзьями. И они обменялись номерами впервые за 12 лет.

Игривый Пёнхва пытался флиртовать с Шин Сэбёком. Он постоянно связывался с ним, присылая забавные мемы из интернета. Иногда, когда было слишком смешно, Сэбёк не мог сохранять выражение лица и часто хихикал даже дома.

Когда их сын, у которого обычно было бесстрастное лицо и который только учился, смеялся, как обычный подросток, его родители осторожно спросили, не случилось ли чего хорошего.

Глаза Сэбёка начали тревожно дрожать. Он чрезмерно заикался:

— Н-н-ничего, д-да? П-просто. В-внезапно вспомнил кое-что смешное....

Он сказал свою первую ложь родителям.

Но его родители не были дураками, и так как они уже беспокоились о том, что их сын пробудился омегой, они продолжали давить на Сэбёка.

В конце концов, после того как он немного рассказал о Пёнхва и сказал, что тот не кажется плохим парнем и он хочет с ним дружить, его родители твёрдо покачали головами.

Упав духом, он неделю не разговаривал с ним, что разозлило Пёнхва, который схватил Сэбёка за шиворот и потащил на крышу.

И так, по школе распространился слух, что Пёнхва и Шин Сэбёк подрались.

Конечно, никакого кровопролития на самом деле не произошло.

— Эй. Почему ты меня игнорируешь?

—...Мои родители сказали мне не дружить с тобой.

— Это...

На мгновение потеряв дар речи, Пёнхва просто стоял с открытым ртом, а затем заговорил с обиженным выражением лица.

<http://bllate.org/book/17004/1578846>